

Блаженнаго Діадоха (V-го вѣка), епископа Фотики, Древняго Эпира, ученіе объ отношеніи подвижниковъ къ врачеванію тѣлесныхъ болѣзней¹⁾,

Ἴατροί—врачи, ἢ τέχνη, (стр. 213, 2) т. е. ἡ ἱατρικὴ τέχνη (Васил. Велик. Ὅροι κατὰ πλάτος. Ἐρώτ. καὶ ἀπόκρ. 55, с. I. М. XXXI, 1044 С), ἡ ἱατρική (Григор. Нисск. De anim. et resurrect. М. XLVI, 13 В)—*врачебное искусство, медицина* Въ LIII и LIV гл., а также и въ пѣ-которыхъ другихъ мѣстахъ своего аскетическаго сочиненіи, бл. Діадохъ съ подвижнической точки зрѣнія уясняетъ 1) дозво-лительность монахамъ пользоваться пособіями врачебнаго искусства (LIII-я гл.), 2) отношеніе ихъ къ своимъ болѣзнямъ (LIV-я гл. См. примѣч. подъ этой главою) и 3) врачеванію ихъ (LIII-я и гл.). Всѣ эти три положенія перѣдко обсуж-дались въ аскетической литературѣ. Ибо не только случай-ныя болѣзни (напр., болѣзнь отъ укушенія змѣей. I. Моск. Луг. духовн. с. 204. М. LXXXVII, pag. 3, р. 3093), но и происекавшія отъ свойствъ самого подвижничества (ἐκ τῆς ἀσκήσεως. Евгар. Поит. Περὶ τῶν ἐκτὸς λογισμῶν, с. 2. М. XL, 1272),—отъ суроваго образа жизни и строгаго воз-держанія въ пищѣ. [Общая немощь плоти и разстройство же-лудка у Евгар. Поит. (Паллад. Еленоп. Hist. Laus. с. 76,

1) Изъ приготовленнаго къ печати сочиненія о блаж. Діадохѣ и его твореніяхъ

М. XXXIV, 1194 С... *χρείαν ἔχουσης αὐτοῦ τῆς σαρκὸς διὰ τὴν ἀσθένειαν, καὶ τὴν τοῦ στομάχου ἀνωμαλίαν...*), болѣзни печени, селезенки, водяшка и др. болѣзни (Евгар. I. с. с. 2, р. 1272), недостатокъ врачей (*ἰατρῶν ἀπορία*. Ibid.) и ухода за больными (Ав. Исаиῆ Δόγ. εῖς, с. 1],—наводили уныніе на малодушныхъ аскетовъ; нѣкоторые изъ нихъ, заботясь много о тѣлесномъ здравіи, обращали, гдѣ возможно было, врачеваніе тѣла въ непрерывное попеченіе о немъ въ ущербъ душевному врачеванію; иные доходили въ этомъ отпущеніи до такой крайности, что, не имѣя вѣры въ помощь Божію, врачей называли своими спасителями (Васил. Велик. I. с. с. 3, р. 1044 В: *...εἰ καὶ σωτῆρας αὐτοῦς (врачей) ὀνομάζουσιν οὐ παραιτοῦνται*). Но были и такіе подвижники, которые совершенно отказывались отъ врачеванія, находя его несогласнымъ ни съ попеченіемъ о душѣ, ни съ вѣрою въ Бога и надеждою на Него. Указанныя крайности въ отношеніяхъ подвижниковъ къ врачебному искусству естественно вызывали вопросы: дозволено ли Богомъ врачебное искусство (на этотъ вопросъ прямо указываютъ слова Василія Великаго *...ἡ ἰατρικὴ τέχνη... ὑπὲρ τοῦ πᾶσαν ἡμῶν τὴν ζωὴν ὁμονομοῦντος Θεοῦ συγκαχώρηται*. Ibid. с. 1, р. 1044, С), согласны ли съ благочестивою цѣлію подвижничества пользованіе врачебными пособиями (Ibid. *Εἰ τοῖς ἐκ τῆς ἰατρικῆς καυχῆσθαι κατὰ σχολὸν ἐστὶ τῆς εὐσεβείας*;) и врачеваніе болѣзней (Макар. Египет. Homil. XLVIII, с. 4 и 5. М. XXXIV, 809, 812)? Эти вопросы, возникавшіе среди подвижниковъ, теоретически и практически разрѣшались ими въ тройномъ направленіи. По ученію однихъ подвижниковъ, врачеваніе тѣлесныхъ болѣзней противорѣчитъ главнѣйшимъ принципамъ подвижничества; по ученію другихъ, лѣченіе тѣлесныхъ болѣзней, приглашеніе врачей и пользованіе медицинскими пособиями вполне совмѣстимы съ благочестивыми цѣлями подвижничества; по воззрѣніямъ третьихъ, тѣлесное врачеваніе, само по себѣ не стоящее въ противорѣчій съ

существомъ самого подвижничества, можетъ быть въ однихъ случаяхъ съ большою пользою для подвижниковъ принимаемо, а въ другихъ случаяхъ отклоняемо ими. Первая два направлення по отношенію другъ къ другу могутъ быть названы крайними, а третье—среднимъ, объединяющимъ въ себѣ нѣкоторые элементы первыхъ двухъ. Замѣчательнымъ представителемъ этого средняго направленія является бл. Діадохъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго.

Церковные писатели различаютъ двоякаго рода лечебное искусство: предметомъ одного служитъ *лѣчение тѣла* (*ἡ τῶν σωματικῶν θεράπεια*. Григор. Назіанз. Orat. II, с. 16. М. XXXV, 425), а предметомъ второго—*лѣчение души* (*ἡ τῶν ψυχικῶν ἰατρεία*. Ibid.). Первый родъ лечебанія и есть собственно лечебное искусство, по словамъ Климента Александрійскаго. „Ибо, говоритъ онъ, *всѣ собственномъ смыслѣ* (*χωρίως*) *помощь тѣлеснымъ болѣзнямъ* (*ἡ τῶν τοῦ σώματος νοσημάτων βοήθεια*) *называется лечебнымъ искусствомъ* (Paedag. lib. I, с. 2 М. VIII, 256 А). Объ этомъ именно искусствѣ и разсуждаетъ бл. Діадохъ въ III-й гл. своего аскетическаго творенія. Медицина называется церковными писателями лечебнымъ искусствомъ—*ἡ ἱατρικὴ τέχνη* (Клим. Александр. I. с. Васил. Велик. "Ὅροι κατὰ πλάτος. 55, с. I. М. XXXI, 1044, С), *ἡ τέχνη ἡ ἱατρικὴ* (Васил. Велик. I. с. с. 3, 1048 В), *ἡ ἱατρικὴ* (Васил. Велик. I. с. Григор. Нисск. De anim. et resurrect. М. XLVI, 13 В), *ἱατρικὴ* (Исид. Пелус. Epistol. lib. II, 437. М. LXXVIII, 424 А). Мужи, опытные въ этомъ искусствѣ, именуются *врачами*—*ἱατροίς, ἱατροί* (Васил. Велик. I. с. с. 5, р. 1052 В. Исид. Пелус. Epistol. lib. III, 337. М. I. с. р. 997; lib. I, 391, р. 404 А); они различаются по специальностямъ (Павла Эладск. Βίος Θεογύριου, с. 15. Палест. Сборн. XXXII, 11, 6. 7. Сравн. Ibid. с. 20, р. 41, 25. 26. Паллад. Еленон. Hist. Laus. с. 30, М. XXXIV, 1089 D: *ἱατρῶν χειρουργία*. I. Моск. Луг. духовн. с. 184. М. LXXXVII, pag. 3, р.

3057) и по опытности въ своемъ искусствѣ (ιατρος ἀτεχνος. Григор. Назіанз. Orat. XL, с. 11. М. XXXVI, 373 А. ἀπότημος ιατρος. Orat. XXXII, с. 29. М. I. с. р. 208 С). Всѣ же они называются земными врачами (ιατροὶ γήϊνοι. Макар. Египет. Homil. XLVIII, с. 4. М. XXXIV, 809 D) въ отличіе отъ Спасителя Нашего—единого истиннаго Врача души и тѣла человека (Клим. Александр. Paedag. lib. I, с. 2. М. I. с. р. 256 В: ...καὶ σῶμα καὶ ψυχὴν ἀκείται αὐτοῦ ὁ πανακίης τῆς ἀνθρωπότητος ιατρος, ὁ Σωτήρ. Григор. Нисск. De orat. Dominic. Orat. IV. М. XLIV, 1161 D: ...ιατρος ἀληθὺς τῶν τῆς ψυχῆς παθημάτων. Макар. Египет. I. с. с. 3, р. 809 D: ὁ μόνος ἀληθινὸς ιατρος καὶ θεραπευτής). Самое лѣченіе болѣзней обозначается словами: ἡ ἰατρεία (Исид. Пелус. Epistol. lib. III, 177. М. I. с. р. 868 D. Григ. Назіанз. Orat. XLV, с. 12. М. XXXVI, 640. Orat. II, с. 16. М. XXXV, 425. Исид. Пелус. I. с. с. αὶ τῆς ἰατρείας μέθοδος), ἡ θεραπεία (Исид. Пелус. I. с. Григор. Нисск. Orat. catechet. magn. М. XLV. 9 В: ὁ τρόπος τῆς θεραπείας, соотвѣтствующій (способъ) роду болѣзни. Друг. питат. см. ниже); ἰατρεία и θεραπεία употребляются въ одинаковомъ значеніи. Уврачеваніе болѣзни, исцѣленіе ея называется ἰασις (Васил. Велик. I. с. с. 3, р. 1048 D).

Цѣль тѣлеснаго врачеванія полагается въ томъ, чтобы существующее здравіе (ὑγίειαν), благосостояніе (плоти) (εὐεξίαν σαρκός) сохранить, или возвратить потерянное (Григор. Назіанз. Orat. II, с. 22. М. XXXV, 432 А). Подъ тѣлеснымъ же здравіемъ, по опредѣленію Григорія Нискаго, разумѣется *равноправіе* сущихъ въ тѣлѣ стихій (ἢ τῶν στοιχείων ἰσονομία. De Orat. Dominic. Orat. IV. М. XLIV, 1161 В). Отсюда уклоненіе какой-либо изъ сущихъ въ насъ стихій отъ должной мѣры (ἢ ἐκ τοῦ μετρίου παρατροπή) есть начало и причина болѣзненнаго состоянія (Ibid. р. 1161 А). И наоборотъ, возстановленіе (ἀποκατάστασις) неправильно пришедшихъ въ движеніе (стихій) и въ собственное и въ

согласное съ естествомъ состояніе есть врачеваніе болѣзне творной причины (θεραπεία τῆς νοσώδους αἰτίας. Ibid.) и врачеваніе тѣла вообще (ἢ τοῦ σώματος θεραπεία. Васил. Велик. I. с. с. 3, р. 1048; с. 5, р. 1052 А. Григор. Назіанз. Orat. II, с. 16. М. XXXV. 425. Θεοδώρα Петрек Βίος... Θεοδοσίου, р. 40, 13. 14 (Usener): ...ἢ ἐν ἀσθενείᾳ τοῦ σώματος θεραπεία). Для возстановленія равновѣсія дѣйствующихъ въ тѣлѣ стихій необходимо, по Григорію Нисскому, оказывать помощь врачебнаго искусства ослабѣвающей стихіи, чтобы она могла противостоять усилившейся и переступившей надлежащій предѣлъ (De Orat. Domín. Orat. IV, М. I. с. р. 1161 В). Эта цѣль достигается врачебнымъ искусствомъ посредствомъ удаленія излишняго, чуждаго, пришедшаго въ человѣческой организмъ или присоединеніемъ недостающаго, необходимаго (Васил. Велик. I. с. с. 1, р. 1044; с. 2, р. 1045 С). Средствами осуществленія указанной цѣли служатъ вообще *медицинскія пособія*—τὰ ἐξ ἰατρικῆς βοήθῆματα (Васил. Велик. I. с. с. 2, р. 1045 В), медицинскія *предписанія* (τὰ τῆς ἰατρικῆς παραγγέλματα. Ibid. с. 5, р. 1052 В), назначаемыя врачомъ, принимаемыя, собыподасмыя (ἢ φυλακῆ τῶν παραγγέλμάτων. Ibid. р. 1052 А) или отвергаемыя больными подвижниками. Эти пособія бываютъ разнообразны (βοηθήματα ποικίλα. Ibid. с. 3, р. 1048 А). по вообще они образуютъ собою три группы: а) медицинскія предписанія, устанавлиющія строгія мѣры касательно образа жизни или діеты (δαιτίης ἀκριβῆ μέτρα); сюда относятся: воздержаніе въ пищѣ (ἀστία), удаленіе отъ вреднаго для здоровья (ἀποχή τῶν φθειρόντων. Ibid. с. 4, р. 1049 А) и отъ пресыщенія (Ibid. с. 5, р. 1052 В). Основное правило этихъ предписаній врачебнаго искусства: „недостаточность есть мать здравія (Ibid. ἢ τέχνη (ἰατρική)... τὴν ἔνδειαν μητέρα τῆς υγείας ἀποκαλεῖ). б) Хирургическія операціи, коими производится сѣченія (τεμαί. Васил. Велик. I. с. с. 3, р. 1045 D; с. 4, р. 1049 А. Григор. Назіанз. Orat. II, с.

18. М. XXXV, 428 В), прижиганія (καύσεις Васил. Велик. и Григор. Назіанз. I. с.) и другіе болѣе жестокіе способы врачеванія (Григор. Назіанз. I. с... τοῖς αὐστηροτέροις τῆς θεραπείας). с) *Врачебныя лѣкарства* — τὰ φάρμακα (Макар. Египет. Homil. XLVIII, с. 5. М. XXXIV, 812 А), *ιατρικὰ φάρμακα* (Маке. Исповѣдн. Capit. de charit. Centur. III, с. 82. М. XC, 1041 С), *ἄκος* (Григор. Назіанз. Περὶ διαθηκῶν καὶ ἐπιφανείας Χριστοῦ, γ. 39, М. XXXVII, 450: Οὐ γὰρ ἐπαρκῆς τοῖς μεγάλοις πάθεσι μικρὸν ἄκος), добываемыя изъ травъ, въ своихъ корняхъ, листьяхъ и цвѣтахъ заключающихъ полезное противъ той или другой болѣзни (Васил. Велик. I, с. с. 2, р. 1045 АВ); подобныя же лѣкарства доставляются нѣкоторыми деревьями и пр. (Васил. Велик. Homil. V. in. Нехаемер. с. 9, М. XXIX, 116 А). Лѣкарства, искусственно приготовленныя врачами, и вообще принадлежности прачебнаго искусства называются *медицинскими* препаратами — τὰ *ιατρικὰ ἐπιτηδεύματα* (Васил. Велик. "Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. 4. М. XXXI, 1049, В), *ιατρικὰ ἐπιτηδεύματα*, *ιατρῶν ἐπιτηδεύματα* (Макар. Египетск. Homil. XLVIII, с. 5, М. I. с. р. 812 А). Лѣкарства бывають горькія (*πικρὰ φάρμακα*. Васил. Велик. I. с. с. 3, р. 1048 А), острия и трудныя (Ibid. с. 4, р. 1049 А:... διὰ τῶν ἑρμείων καὶ ἐπιπόνων). Всѣ же они представляютъ собою вещественныя пособія (*ὄλκι καὶ βοήθεια*. Ibid. с. 2, р. 1045 С), тѣлесныя и видимыя, чрезъ которыя совершается Божіе попеченіе о насъ (Ibid. с. 4, р. 1048 D) при посредствѣ врачей.

Если, послѣ сказаннаго, обратимся къ аскетическому творенію бл. Діадоха, то въ этомъ сочиненіи найдемъ медицинскія свѣдѣнія, своимъ объемомъ и содержаниемъ не превышающія того, что сообщено нами выше. Они могутъ свидѣтельствовать о нѣкоторомъ знакомствѣ автора съ медициною; но они могли быть заимствованы имъ даже изъ сочиненій церковныхъ писателей; по крайвей мѣрѣ его сужденія о происхожденіи врачевой науки и лѣкарствъ образованы.

по видимому, подѣ влияніемъ Василія Великаго, какъ показано будетъ ниже; во всякомъ случаѣ въ своемъ аскетическомъ сочиненіи онъ не проявилъ такихъ признаковъ своего спеціальнаго знакомства съ медициною, какія находимъ, напр., въ твореніяхъ Григорія Нисскаго. Медицину онъ называетъ ἡ τέχνη (ЛШ-я гл.) безъ прибавленія слова ἱατρική; оно опущено вслѣдствіе того, что изложенныя въ ЛШ-ей гл. разсужденія автора о врачахъ, лѣкарствахъ и врачеваніи болѣзней ясно указываютъ читателю, о какомъ искусствѣ говоритъ авторъ. Подобное словоупотребленіе встрѣчается и у Василія Великаго (Ibid. с. 5, р. 1052 В: Ἐμοὶ δὲ καὶ πρὸς ἐγκράτειαν οὐ μικρὸν συντελεῖν ἡ τέχνη φαίνεται). Знакомъ врачебнаго искусства онъ именуетъ врачами—ἱατροὶ (XVII-я гл., стр. 44, 4 ЛШ гл.); но истиннымъ Врачемъ и Спасителемъ нашимъ онъ признаетъ только Иисуса Христа (ЛШ-я гл.); таковымъ именуютъ Его и другіе церковные писатели (Климентъ Александр., Григорій Нисск., Макарій Египетск. Цитаты см. выше). Медицинскіе термины ἱατρεία, θεραπεία не употребляются въ аскетикѣ бл. Діадоха. Но онъ, подобно другимъ церковнымъ писателямъ, различаетъ двойнаго рода врачебное искусство—лѣчение тѣла и врачеваніе души.—Мысль о сихъ врачеваніяхъ авторъ раскрываетъ въ XVII-ой гл. своего аскетическаго творенія (стр. 42—46). Для надлежащаго уразумѣнія этой мысли необходимо принять во вниманіе встрѣчающееся у церковныхъ писателей (особенно у Василія Великаго) сужденіе, что врачебное искусство, поскольку оно есть попеченіе о плоти (ἡ τῆς σαρκὸς ἐπιμέλεια. Васил. Велик. "Ὅροι κατὰ πλάτος, 55, с. 2. М. 1. с. р. 1045 В), дано людямъ во образъ врачеванія души и попеченія о ней (Ibid. с. 1, р. 1044 С:... εἰς τύπον τῆς κατὰ φύσιν θεραπείας. Ibid. с. 2, р. 1045 В:... εἰς τύπον τῆς τῶν φύσιν ἐπιμελείας). Какъ врачебнымъ искусствомъ устраняется, по Василію Великому, изъ плоти чуждое ей и восполняется недостающее: такъ и врачеваніемъ души (Васил. Вел.

Homil. ih. mart. Julit. с. 9. M. XXXI. 260 С) удаляется изъ нея чуждое ей и прилагается свойственное ей по естеству ("Οροι κατὰ πλάτος 55, с. 1. M. I. с. р. 1044 С; с. 2, р. 1045 CD). Для тѣла необходимы бываютъ сѣченія, прижиганія, горькія лѣкарства; и душа нуждается въ рѣзкомъ обличительномъ словѣ, въ горькихъ лѣкарствахъ наказаній и т. п. (Ibid. с. 3, р. 1048 А). Подобное же соотношеніе между врачеваніемъ души и лѣченіемъ тѣла обозначается и другими церковными писателями (Григор. Нисск., De Orat. Domin. Orat. IV. M. XLIV, 1161); оно же представлено и бл. Діадохомъ въ XVII-ой главѣ. „Какъ случающіяся на тѣлѣ раны, когда остаются какъ бы запущенными и безъ попеченія, не чувствуютъ врачами прилагаемаго къ нимъ лѣкарства, а очищенные чувствуютъ дѣйствіе лѣкарства, достигая вслѣдствіе этого скорого исцѣленія: такъ и душа, пока остается безъ попеченія (ἀνεπιμέλητος) и вся покрыта проказою сластолюбія, не можетъ чувствовать страха Божія“. Этотъ страхъ, очищающій душу „какъ бы въ огнѣ безстрастія дѣйствіемъ обличеній, служитъ для нея жизненнымъ лѣкарствомъ (φαρμάκου τινός ὄντος ζωῆς)“. Изъ приведенныхъ словъ видно, что способъ врачеванія тѣла служитъ для бл. Діадоха образомъ (τύπος) врачеванія души. Исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней называется авторомъ ἰασις (XVII гл., стр. 44, 7. LIII-я гл.). Онъ не опредѣляетъ понятія о врачебномъ искусствѣ; но нѣкоторыя выраженія его указываютъ на то, что цѣлью тѣлесн. врачеванія онъ считаетъ сохраненіе здоровья тѣла, своими силами способствующаго очищенію души (XIV-я гл.), и восстановленіе тѣлеснаго здравія (XVII-я гл. и LIII-я). Подъ здоровьемъ тѣла онъ разумѣетъ нормальное дѣйствованіе тѣлесныхъ силъ и органовъ; напр., во время здравія (ἐν καρῶ τῆς ὑγείας. XXX-я гл.) тѣлесныя чувства точно различаютъ хорошее отъ худого; здоровыя тѣлесныя очи (οἱ ὀφθαλμοὶ οἱ σωματικοί. XXVII-я гл.) видятъ даже малые предметы, а больные глаза не замѣчаютъ и большихъ вещей. Отсюда вытекаетъ

заключеніе, что, по ученію бл. Діадоха, медицина должна врачевать тѣлесныя разстройства (τὰς... σωματικὰς ἀνομιλίας. LIV-я гл.), всякія болѣзни и немощи (LIII-я гл.). Изъ средствъ, при помощи коихъ врачебное искусство устраняетъ тѣлесныя разстройства, упоминаются бл. Діадохомъ только τὰ φάρμακα (XVII и LIII гл.). Подъ сими лѣкарствами онъ разумѣетъ врачебныя пособія, предпествовавшія образованію самого врачебнаго искусства (LIII-я гл.); здѣсь, очевидно, имѣются въ виду τὰ φάρμακα, заключающіяся въ травахъ и деревьяхъ, созданныхъ Богомъ, какъ говорятъ и Василиій Великій ("Ὅροι κατὰ πλάτος. 55, с. 2. М. 1. с. р. 1045 В. Homil. V. in Нехаем. с. 9. М. XXIX, 116 А) и Макарій Египетскій (Homil. XLVIII, с. 5. М. XXXIV). О другихъ медицинскихъ принадлежностяхъ и пособіяхъ бл. Діадохъ ничего не говоритъ въ своей аскетикѣ. Онъ много разсуждаетъ о діетѣ (XLVI-я гл.); по эта діета (образъ воздержанія) устанавливается законами подвижнической жизни, а не предписаніями медицинской науки, какъ отчасти допускалъ Василиій Великій, считавшій врачебное искусство союзникомъ аскетическаго воздержанія ("Ὅροι κατὰ πλάτος. 55, с. 4, р. 1049 А; с. 5 р. 1052 В). Она, по ученію бл. Діадоха, усиливается или ослабляется (XLV и XLVI гл.) самимъ подвижникомъ примѣнительно къ состоянію своего здоровья или законамъ подвижничества. Изъ сказаннаго видно, что аскетическое слово бл. Діадоха не богато медицинскими свѣдѣніями.

Въ ученіи о происхожденіи врачебнаго искусства и лѣкарствъ представители всѣхъ трехъ означенныхъ направлений согласны въ томъ, что виновниками врачебнаго искусства и лѣкарствъ являются Богъ и, по Его волю, самъ человѣкъ. Однакоже въ этомъ ученіи аскетика бл. Діадоха находится *подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ аскетики Василия Великаго*; ознакомимся съ сужденіями послѣдняго о происхожденіи медицины и лѣкарствъ. Врачебное искусство, по ученію св. Василия, есть даръ Божій (ἡ πρὰ τοῦ Θεοῦ χάρις.

“Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. 3. М. 1. с. р. 1048 В). Въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ доказательства, извлекаемые изъ библейскаго повѣствованія о міротвореніи и паденіи челоуѣка: 1) челоуѣкъ, пребывавшій въ раю наслажденія (ἐν παραδείσῳ τῆς τρυφῆς) и безстрастн (ἐν ἀπαθ.ίᾳ), не нуждался въ пособіяхъ врачебнаго искусства „для утѣшенія“ (πρὸς παραμυθίαν Ibid. с. 1. р. 1044 D). Но послѣ паденія ему, соединенному съ болѣзненною плотію, вслѣдствіе грѣха подвергшейся страданіямъ (τοῖς πάθεσι), дана помощь врачебнаго искусства (Ibid. р. 1045 А). 2) Провидѣніе Творца (ἡ δέξια τοῦ κτίσαντος πρόνοια ἐξ ἀρχῆς προβλεψαμένη. Homil. V. Нехаем. с. 9. М. XXIX, 116 А), изъ начала предусматривавшее необходимость (для челоуѣка) врачебнаго искусства, привело въ бытіе, еще до сотворенія челоуѣка, дерева, своими соками, плодами и проч. доставляющія людямъ *врачебныя пользы* (τὰς ἐκ τῆς ἰατρικῆς ὠφελείας. Ibid.). По волѣ же Создателя произрасли, въ цѣляхъ нашей пользы (πρὸς τὸν τῆς ἡμετέρας ὠφελείας σκοπόν. Васил. Велик. “Οροι κατὰ πλάτος. 55. с. 1. М. XXXI, 1045 А), травы, своими врачебными свойствами соотвѣтствующія каждой изъ болѣзней (Ibid. с. 2. αἱ βόταναί, αἱ πρὸς ἕκαστον τῶν παθῶν οἰκείως ἔχουσαι). Эти доказательства принимались и другими подвижниками, защищавшими богоугодность врачебнаго искусства; и они въ спорѣ съ противниками медицины ссылались на врачебныя свойства травъ, промыслительно созданныхъ Богомъ для облегченія челоуѣческихъ немощей. Сужденіе по сему предмету, высказанное однимъ изъ монашествующихъ защитниковъ медицины, приводится въ XLVIII-ой гомиліи Макарія Египетскаго. „Но ты, говоритъ Макарій, несомнѣнно скажешь слѣдующее: „Богъ далъ тѣлу на врачеваніе травы земныя (τὰς τε βότανας τῆς γῆς), и лѣкарства (τὰ φάρμακα) и врачебныя препараты (ἰατρικῶν ἐπιτηδεύματα) соотвѣтственно тѣлеснымъ страданіямъ предуготовалъ, устроивъ, чтобы тѣло, состоящее изъ земли, врачевалось разными земными видами“

(Homil. XLVIII, с. 5. М. XXXIV, 812 А). Изъ существованія лѣкарствъ раньше врачебнаго искусства выводится заключеніе богоугодности его: созданіемъ лѣкарствъ Богъ промыслителемъ предуготовлялъ самое врачебное искусство. 3) Это предуготовленіе выразилось и въ надѣленіи человѣка разсудительностію и понятливостію (σύνεσις, κατάληψις. Васил. Велик. "Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. 1. М. 1. с. р. 1045 А). благода которымъ человѣкъ могъ образоватъ разныя искусства и считать ихъ—врачебное (Васил. Велик. Homil. V in Hexaeme с. 9. М. 1. с. р. 116 АВ). Посему врачебное искусство поскольку оно обязано человѣку своимъ происхожденіемъ признавалось дѣломъ мудрости человѣческой (Клим. Александр. Paedag. lib. I. с. 2. М. VIII, 256 А:... *ιατρικὴ τέχνη, ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ διδακτὴ*); а поскольку оно предуготовлено самимъ Богомъ, оно считалось созданіемъ Божиимъ (Григор. Нисск. De pauper. amand. М. XLVI, 464 А: *Τὴν ποιητικὴν τῆς υἱείας ἱατρικὴν συνέστησατο; Богъ*). Да и Макарій Египетскій, доказывавшій, что врачеваніе болѣзней несовмѣстимо съ монашескими обѣтами, утверждалъ, что человѣку, удаленному изъ райскаго наслажденія въ міръ сего (... *ἐκ τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου εἰς τὸν κόσμον τοῦτου ἐξήρισθηίς*). Подобнымъ же образомъ выражался и Васил. Велик. и подпавшему страданіямъ и болѣзнямъ плоти, Богъ по благодати своей далъ лѣкарства (Homil. XLVIII, с. 5 и 6). Сущность сказаннаго о происхожденіи лѣкарствъ и медицины можно кратко выразить такъ: лѣкарства, созданныя Богомъ при твореніи міра, предуготовляли на имѣвшее нѣкогда образованіе изъ опыта врачебное искусство, приносящее пользу людямъ, подпавшимъ страданіямъ вследствие грѣхопаденія перваго человѣка. Эта мысль усвоена и бл. Діадохомъ и выражена въ III-ей главѣ аскетическаго слова: „такъ какъ говоритъ онъ, изъ человѣческаго опыта имѣло составиться искусство, то потому и предсуществовали лѣкарства“. Заклю

чающаяся въ приведенныхъ словахъ мысль могла быть заимствована у Василия Великаго, какъ думается намъ, изъ слѣдующаго выраженія:... „все, что изобрѣлъ долговременный *опытъ*, собирая полезное изъ отдѣльныхъ случаевъ,—это именно... Провидѣніе Творца, изъ начала предусматривавшее, привело въ бытіе“ (т. е. лѣкарственные травы, дерева. *Homil V in Nехаемер. с. 9. М. I. с. р. 116 А: ...ῥσα ἡμῖν ἢ χρονία πείρα ἐξῆυρεν, ἐκ τῶν κατὰ μέρος περιπτώσεων συλλεγομένη τὸ χρῆσιμον, ταῦτα ἢ ὀξεῖα τοῦ κτίσαντος πρόνοια ἐξ ἀρχῆς προβλεψαμένη, εἰς γένησιν ἤγαγε. У бл. Діадоха читаемъ:... ἐμαλλεν ὑπὸ τῆς ἀνθρωπίνης πείρας ποτὲ συλλέγεσθαι ἢ τέχνη). Мысль и нѣкоторыя слова бл. Діадоха совпадаютъ съ тѣмъ, что сказано Василиемъ Великимъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ его Шестоднева. Итакъ, въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи медицины и лѣкарствъ подвижники согласны между собою.*

Но въ ихъ ученіи о дозволительности инокамъ пользоваться врачевнымъ искусствомъ замѣчаемъ три направленія, какъ сказано выше. Одни подвижники теоретически и практически разрѣшили вопросъ о врачеваніи въ положительномъ смыслѣ. Представителями этого направленія выступали иногда мужи глубоко образованные; между ними были люди столь же опытные въ медицинѣ, какъ и въ подвижничествѣ. Василий Великій, по свидѣтельству Григорія Назіанзина, не только изучилъ медицину, но дошелъ и „до навыка въ искусствѣ“ (εἰς ἔξιν τῆς τέχνης): „немошь тѣла и уходъ за больными (υποσοκρῖα) сдѣлали для него необходимымъ врачевное искусство“ (Orat. XLIII, с. 23 М. XXXVI, 528 В). Въ числѣ же защитниковъ означеннаго направленія выступаютъ и другіе мужи—знаменитые въ подвижническомъ мірѣ: Григорій Нисскій, основательно изучившій медицину, Нилъ Синайскій, Іоаннъ Лѣствичникъ и др. Въ своихъ твореніяхъ они доказываютъ, что *монахамъ позволительно пользоваться врачевнымъ искусствомъ, что пользованіе имъ совмѣстимо*

съ подвижническими цѣлями, но что оно не должно быть обращено въ попеченіе о тѣлѣ. Первое положенъ выражено Василиемъ Великимъ въ слѣдующей формѣ: *врачебное искусство дозволено намъ Богомъ* ("Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. 1. М. I. с. р. 1044 С:... ἡ Ιατρικὴ τέχνη... ὑπὸ τοῦ πάσαν ἡμῶν τὴν ζωὴν οἰκονομοῦντος Θεοῦ συγκεχώρηται. Доказательства этого положенія: а) врачебное искусство окзываетъ помощь страждущимъ болѣзнями, имѣющими свое основаніе въ грѣхонаденіи перваго человѣка (Ibid. с. I. р. 1045 А). Въ утѣшеніе страждущаго человѣчества оно данъ Богомъ, создавшимъ и самыя лѣкарственныя растенія (Ibid. с. 2, р. 1045 АВ. Homil. V in Hexaemer. с. 9. М. XXIX 116 А) и надѣлившимъ человѣка способностію уразумѣвать цѣлительность ихъ ("Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. I. р. 1045 А. Ниже мы увидимъ, что противники врачеванія болѣзней подвижниковъ не признавали доказательной силы перваго аргумента постольку, поскольку онъ примѣнялся къ аскетическо практикѣ. б) Врачебное искусство дано „во образъ врачеванія души“ и попеченія о ней (Ibid. с. I, р. 1044 С. с. 2, р. 1045 В): во врачеваніи тѣла заимствуется наставленіе касательно врачеванія души,—образъ и примѣръ попеченія о ней (τύπος καὶ ὑπογραμμός. Ibid. с. 5, р. 1052 А). Этотъ аргументъ имѣетъ значеніе настолько, насколько врачеваніи тѣла напоминало аскету о необходимости врачевать душевныя болѣзни; но то, чѣмъ врачевали подвижники свою душу по существу своему не имѣло ничего общаго съ тѣлеснымъ врачеваніемъ; въ этомъ послѣднемъ врачеваніи нѣтъ ничего назидательнаго для того, кто желаніе развѣрнуться считаетъ первымъ и надежнѣйшимъ благомъ, свойственнымъ мужу подлинно здоровому (Григ. Назіанз. Orat. II, с. 27. М. XXXV, 436 С, 437 А). в) Убѣдительнымъ аргументомъ должно считать слѣдующій. Благодать исцѣленія (Васил. Велик. "Οροι κατὰ πλάτος 55, с. 4, р. 1048 С: τῆς ἰάσεως ἡ χάρις подается вообще Богомъ или невидимымъ образомъ или чрезъ

что-либо видимое. Езекия (4 Цар. XX; 7) исцѣленъ былъ смоквами (διὰ τῶν σμῶν Ibid. p. 1048 D), Иисусъ Христосъ врачевалъ брениемъ и омовениемъ (Ibid. с. 2, p. 1045 C), впавшій въ руки разбойниковъ (Лук. X. 34) исцѣленъ былъ *виномаслиемъ* (διὰ τοῦ ὀινελαίου. Ibid. p. 1048 C). Иногда же Иисусъ Христосъ врачевалъ однимъ изволениемъ (τῷ βουλήματι μόνῳ. Ibid. с. 2, p. 1045 C. Ср. Мо. VIII, 3). Изъ сихъ примѣровъ дѣлается выводъ, что исцѣленіе болѣзни подается Богомъ чрезъ врача и дѣкарства.

Относительно согласованія тѣлеснаго врачеванія съ цѣлями подвижническаго благочестія высказаны были, особенно Василиемъ Великимъ, слѣдующія соображенія: 1) Правила касательно *худаго пользованія* (πονηρὰ χρήσις. Васил. Велик. Ibid. с. 3, p. 1048 B) медицинскимъ искусствомъ; а) христианами должно быть избѣгаемо врачеваніе, требующее великой заботы и какъ бы всю жизнь обращающее въ попеченіе о тѣлѣ (εἰς τὴν τῆς σαρκὸς ἐπιμέλειαν. Ibid. с. 2, p. 1045 B). Этимъ правиламъ принимается во вниманіе возраженіе противниковъ медицинскаго искусства, что лѣченіе тѣлесныхъ болѣзней свидѣтельствуетъ о забвеніи подвижника касательно попеченія о душѣ. б) Не должно видѣть во медицинскомъ искусствѣ единственную причину здравія или болѣзни (Ibid... τὴν πᾶσαν αἰτίαν τοῦ ὑγιαίνειν ἢ νοσεῖν τίθεσθαι) и „имѣть въ немъ всю надежду утѣшенія въ болѣзняхъ“ (Ibid.). Равнымъ образомъ не слѣдуетъ въ рукахъ врачей полагать надежду своего здравія (Ibid. с. 3, 1048 B) и называть ихъ своими спасителями. 2) Касательно правильнаго пользованія (ἡ ὀρθὴ) χρήσις. Ibid.) медицинскимъ искусствомъ: а) должно пользоваться медицинскимъ искусствомъ во славу Божию (εἰς δόξαν Θεοῦ. Ibid. с. 2, p. 1045 B; с. 5, 1052); б) сохранять надежду на Бога и просить у Него здравія, когда пользуемся услугами врача (Ibid. с. 5, p. 1052:... τῆς πρὸς Θεὸν ἐλπίδος οὐκ ἀριστάμεθα), и в) цѣль благо-

О ВРАЧЕВАНІИ ТѢЛЕСНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

угождения Богу (Ibid.); д) врачебное искусство содствуетъ аскетическому воздержанію, воспрещая наслаженіе и пресыщеніе (Ibid.) и предписывая воздержаніе пищѣ (ἀστία. Ibid. с. 4. р. 1049 А). Первыми трѣхъ наставленіями дѣйствительно устраняется возраженіе противниковъ врачебнаго искусства, что врачеваніе тѣла несовершенство съ совершенною вѣрою и надеждою на Бога; указав же на содѣйствіе медицины аскетическому воздержанію и жетъ относиться къ нерадивымъ подвижникамъ, а строго подвижники, для которыхъ ἀστία. была обычною въ системѣ воздержанія, не нуждались въ предписаніяхъ медицины; они напротивъ, ослабляли строгость воздержанія, когда подвергались заболѣваніямъ (см. выше прим. на стр. 146 и 147). Характеръ обозначенныхъ замѣчаній относительно согласованія тѣлеснаго врачеванія съ цѣлями подвижничества показываетъ, что оно усматривается въ томъ, что подвижники надежду своего исцѣленія возлагаютъ на Бога, считая Его первою причиною своего здравія (πρῶτον αἴτιον ὑγείας. Ibid. с. 3, р. 1048 С), а лѣкарстви и врачей—лишь только орудіями, чрезъ которыя подается благодать исцѣленія (τῆς ἰάσεως ἡ χάρις Ibid. с. 4. р. 1048 D). Эту именно мысль болѣе наглядно выражалъ преп. Нилъ Синайск. „Въ болѣзняхъ говоритъ онъ, прежде врачей и лѣкарствъ пользуйся молитвою“ (τῆ προσευχῆ. Capit paraenet. с. 62. M. LXXIX, 125). „Если, пипеть онъ въ своемъ подвижническомъ словѣ, угодно Богу, чтобы мы еще жили, то или тѣлу дать крѣпкую равносильную помощь, чтобы перенести намъ трудность и борьбу и за мужество пріять вѣщцы, или примыслить средство къ утѣшенію страждущаго“ (с. 20. M. I. с. р. 745), т. е. или невидимо подкрѣпить больного инока или пошлетъ его къ врачу и лѣкарства. Этотъ же преп. отецъ лучше многихъ подвижниковъ уясняетъ причину, въ силу которой монахъ врачеваніемъ возстановляющій свое здравіе, не только не

ступаетъ отъ своихъ обѣтовъ, но заботится о лучшемъ осуществленіи ихъ; тѣлесное здравіе необходимо не для наслажденія, а для совершенія подвиговъ (Саріт. παραηετ. с. 72. р. 1256).

Василій Великій разъясняетъ подвижникамъ правильность *отношеній* ихъ къ болѣзнямъ съ тою цѣлю, чтобы врачеваніе немощей не обратилось въ неразумное попеченіе о плоти. Всѣ болѣзни онъ дѣлитъ на двѣ большія группы,— на болѣзни, не подлежащія врачеванію, и подлежащія. Къ первой группѣ отнесены болѣзни, не вытекающія изъ свойствъ человѣческаго естества (Васил. Велик. „Ὅροι κατὰ πλάτος. 55, с. 4. М. I. с. р. 1049 А: Οὐ γὰρ πάντα φύσει εἰσὶν ἀρρώστια), но предполагающія чрезвычайную причину происхожденія ихъ; примѣрами служатъ болѣзни, постигшія Иова (по просьбѣ діавола), евангельскаго Лазаря (нѣ наученіе нетерпѣливыхъ. Ibid. с. 4, р. 1049 ВС) и ап. Павла, подвергнутаго продолжительному недугу (Ibid. р. 1049 CD) для показанія, что и великіе праведники не стоятъ выше предѣловъ человѣческаго естества. Во всѣхъ сихъ случаяхъ врачеваніе, по мнѣнію св. Василия, не должно имѣть мѣста; въ противномъ случаѣ оно обратится въ бесполезное попеченіе о тѣлѣ. Къ этому же классу немощей отнесены болѣзни, посылаемыя Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Въ подобныхъ болѣзняхъ наилучшимъ лѣкарствомъ служатъ безмолвіе, терпѣніе, сознаніе своихъ грѣховъ, покаяніе (Ibid. с. 4, р. 1049). Ко второй группѣ отнесены болѣзни, происходящія отъ худого образа жизни (Ibid. с. 5, р. 1052: ἐκ πανηρέας διαίτης. Ibid. с. 4, р. 1049 А: ἐκ πλημμελοῦς διαίτης). Приобрѣтшіе этого рода болѣзни могутъ пользоваться лечебными пособіями. Въ обѣихъ группахъ болѣзней не находимъ указанія на отношеніе подвижниковъ къ немощамъ, происходящимъ отъ суроваго образа жизни. Такимъ образомъ лечебному искусству отведено св. Василиемъ, принимавшимъ, оче-

О ВРАЧЕВАНИИ ТЪЛЕСНЫХЪ БОЛЪЗНЕЙ.

видно, во вниманіе возраженія противниковъ, незначительнѣе: ему предоставлены болѣзни только незначительныя иноковъ. Въ этомъ случаѣ послѣдовательнѣе былъ І. Дѣствиникъ, совѣтовавшій не заниматься лукавымъ изслѣдованіемъ причины болѣзни брата, но любовно врачевать ея какъ собственнаго члена и раненаго на брани воина (С XXVI. М. LXXXVIII, 1024 D).

Положенное ученіе о врачеваніи болѣзней осуществлялось на практикѣ. Самъ Василій Великій пользовался врачеваніемъ искусствомъ и помогалъ другимъ (Григор. Nazianz. Orat. XLIII, с. 23. М. XXXVI, 528 В). Между египетскими и нитрійск. иноками проживали врачи (Паллад. Еленоп. Hist. Laus. М. I. с. р. 1020: *ἰατροὶ διάγουσι*). Палестинскій подвижникъ Феодосій Киновіархъ „для распявшихся міру ради Христа устроилъ домъ приспособленный для врачеванія телесныхъ немощей (*πρὸς τὴν ἐν ἀσθενείαις τοῦ σώματος φερεμένην*). Еписк. Петрск. Феодора *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ... ἀββ. Θεοδοσίου*. Usener., с. 3, р. 40, 12—14). Въ тѣхъ случаяхъ, когда при монастыряхъ не было врачей, монахи приглашали ихъ изъ городовъ или сами больные ходили къ нимъ. Когда св. Теофаній, епископъ Витинійскій (425—522 г.) направляясь въ основанный имъ монастырь, сломалъ себѣ ногу вслѣдствіе паденія съ осла, то иноки этого монастыря пригласили къ нему изъ города врача, умѣннаго лѣчить переломы (Павла Елладск. *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ... Θεοφάνου* с. 15. Правосл. Палест. Сборн. 32-й вып. стр. 11, 6. *Ἔπειτα ἐκ τῆς πόλεως προσκαλοῦμεθα ἄνδρα ἐπιστάμενον κλῆματα φερατέειν*). Къ нѣкому подвижнику, заболѣвшему какою-то отвратительною болѣзнію (*πάθει τινὲ ἀπρεχταίῳ*), Павелъ Елладск. приводилъ изъ города всѣхъ врачей (*Ἰβί* с. 20, 23—26). Нѣкій монахъ, укушенный змѣей, ходилъ по свидѣтельству Іоанна Мосха, въ городъ, чтобы „быть осмотрѣннымъ“ врачомъ (Луг. Духовн. с. 204. М. LXXXVI pag. 3, р. 3093).

Доводы, которыми, какъ мы видѣли, многіе аскеты оправдывали врачеваніе болѣзней подвижниковъ, не были признаны убѣдительными со стороны представителей отрицательнаго отношенія къ тѣлесному врачеванію. Непринятіе сихъ доводовъ находитъ свое объясненіе въ томъ, что ими дозволительность врачебной помощи не была въ достаточной мѣрѣ освѣщена съ точки зрѣнія главнѣйшихъ принциповъ и задачъ древне-христіанской аскетики: вѣра и надежда казались представителямъ отрицательнаго направленія двоящимися между Богомъ и врачомъ, тѣлесное здравіе и врачеваніе уравнивались съ душевнымъ здравіемъ и врачеваніемъ. Вотъ почему противники медицины отрицали совмѣстимость врачеванія тѣла а) съ совершенною вѣрою подвижника, б) пощеніемъ о душѣ и в) высшимъ благомъ. Конечно, разсуждали они, каждый христіанинъ долженъ имѣть и вѣру и заботу о душѣ и высшемъ благомъ; но у монаха та и другая должны быть болѣе совершенными. „Но ты, монахъ, говоритъ Макарій Египетскій, —пришедшій ко Христу, и пожелавшій быть сыномъ Божиимъ и родиться свыше Духомъ, и пріявшій гораздо вышнія и большія обѣтованія, нежели первый и безстрастный челоувѣкъ... и сдѣлавшійся чуждымъ для міра (ξένος τοῦ κόσμου),—ты долженъ стяжать нѣкую болѣе новую и чуждую (ξένην—необычайную) и вѣру, и мысль (ἐννοίαν), и образъ жизни (πολιτείαν), чѣмъ все мірскіе люди“ (Homil. XLVIII, с. 6, M. XXXIV, 812 С). Вѣра, какъ извѣстно, считается первымъ руководительнымъ началомъ подвижническаго созерцанія и жизни; существеннымъ признакомъ ея служить совершенство, выражающееся въ томъ, что инокъ, имѣющій такую вѣру, всецѣло ввѣряетъ себя Богу (Ibid. с. I, р. 808 С: τελεία πίστις. Ibid. с. 6, р. 812: ἕξ ὅλου ἑαυτοῦς ἐμπιστεύειν), предаетъ себя Богу, удалившись изъ міра (Ibid. с. 2, р. 812 В: ἀναχωρήσας τοῦ κόσμου, ἑμαυτὸν τῷ Κυρίῳ δέδωκα). И наоборотъ, монахъ, не могушій все-

цѣло вѣрять себя Богу, только считаетъ себя вѣрующимъ не имѣя въ дѣйствительности надлежащей вѣры (Ibid. с. 4, 809 D: ... νομίζεις πιστεῖν, μηδέπω πιστεῶν, ὡς δεῖ εἰ ἀληθείας). Съ точки зрѣнія совершенной вѣры Макарій Египетскій слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе подвижника къ врачеванію тѣлесныхъ болѣзней: а) Богъ, создавшій лѣкарства на врачеваніе тѣла, позволилъ (συγχώρησε), по своему человеколюбію, пользоваться ими людямъ слабымъ (τοῖς ἀσθενέσι) и невѣрнымъ (ἀπίστοις), мірскимъ людямъ всеѣмъ вѣрнымъ (τοῖς τοῦ κόσμου ἀνθρώποις καὶ τοῖς εἰς πᾶσι. Ibid. с. 5 и 6, р. 812), еще не могущимъ вѣрять себя Богу. Отсюда видно, что доводу, извлекавшемуся изъ сотворенія лѣкарствъ Богомъ, Макарій Великій придалъ другой смыслъ, а не тотъ, который усвоилъ ему св. Василій. б) Подвижникъ, имѣющій совершенную вѣру вѣруетъ, что Иисусъ Христосъ, врачующій „вѣчныя и неисцѣльныя раны безсмертной души“, можетъ уврачевать „временныя тѣлесныя страсти и болѣзни“. По силѣ таковой вѣры во Христа онъ прибѣгаетъ къ Нему одному, презрѣвъ лѣкарства врачей и врачеванія (Ibid. с. 4, р. 812 А). Посему монахъ, обращающійся къ земнымъ врачамъ, а не единственно ко Христу, не имѣетъ совершенной вѣры (Ibid. р. 809). с) Съ точки зрѣнія душевнаго врачеванія не слѣдуетъ пользоваться услугами земныхъ врачей для возстановленія тѣлеснаго здравія. „Какъ тѣло дороже одежды, говоритъ Макарій Великій, такъ и душа дороже тѣла“ (Ibid. с. 3, р. 809 С). Но врачеваніе души утверждается на вѣрѣ, что Господь уврачуеетъ души вѣрныхъ отъ неисцѣльныхъ страданій (Ibid. р. 809 D). Слѣдовательно, должно вѣровать, что Онъ уврачуеетъ и тѣло: „Ибо кто создалъ душу, тотъ и тѣло сотворилъ; и кто врачуетъ оную безсмертную (душу), тотъ можетъ уврачевать тѣло отъ временныхъ страданій и болѣзней“ (Ibid. с. 4, р. 812 А). Здѣсь врачеваніе души

служить, но Макарію, образомъ попеченія о тѣлѣ, а не наоборотъ. d) Попеченіе *о высшемъ благѣ* не согласуется съ заботою подвижниковъ о врачебной помощи для сохраненія тѣлеснаго здравія. Всѣ обѣтованія (*τὰ παραγγέλματα*), данныя Богомъ челоуѣку, Макарій Египетскій дѣлитъ на два класса (примѣнительно къ Евангелію Лук. XVI. 10)—на малыя (*τὸ ἐλάχιστον*) и великія (*τὸ δὲ πολὺ*. Homil. XLVIII, с. I. p. 808 C). Къ первымъ относятся *обѣтованія вѣка сего* (*τὰ παραγγέλματα τοῦ αἰῶνος τούτου*): пища, одежда, здравіе (*ὑγεία*) и вообще все, что доставляетъ спокойствіе тѣлу (*τοῦ σώματος ἀνάπαυσις*). Подъ вторыми разумѣются „дары (*δωρήματα*) вѣчнаго и нетѣннаго вѣка“ (Ibid): царство небесное, содѣланіе сыномъ Божиимъ и сонаслѣдникомъ Христа, соцарствованіе съ Нимъ цѣлыя вѣки, наслажденіе въ неизреченномъ свѣтѣ (Ibid. с. 2, p. 809 B). О первыхъ совершенно не должно заботиться (*...μὴ μεριμνᾶ ἕως περὶ τούτων*. Ibid. с. I, p. 808 D), такъ какъ они подаются Богомъ вѣрнымъ по мѣрѣ ихъ вѣры и попеченія (*ἢ φροντίς*) о высшихъ благахъ. Отсюда слѣдуетъ, что подвижникъ, у котораго замѣчаются земныя заботы (*μεριμναὶ γήιναί*) и многое попеченіе (*φροντίς πολλή*) о тѣлесной пищѣ, одеждѣ, *здравіи* и прочемъ маломъ, чего ищутъ и язычники (Мѡ. VI, 31. 32), оказывается невѣрующимъ (*ἄπιστος εὐρισκόμενος*. Ibid. с. 3. p. 809 C); но подвижникъ, имѣющій совершенную вѣру, твердо вѣруетъ, что Богъ, обѣщающій ему *многое* въ будущей жизни, Самъ подастъ ему *малое* въ сей жизни,—*здравіе*. Изложенныя сужденія Макарія Египетскаго о тѣлесномъ врачеваніи не стоятъ одиноко въ аскетической письменности и практикѣ. И другіе великіе подвижники высказывали подобныя же мнѣнія. Авва Исаія пишетъ: „Если схватитъ тебя немощь, когда безмолвствуешь въ келліи, не малодушествуй, но возблагодари Бога; если увидишь душу свою смятенною, скажи ей: не лучше ли для тебя оная (врачебн. помощь),

чѣмъ геенна, въ которую имѣешь пойти?—и она успокоится въ тебѣ“ (Сл. IV, с. 32). Ефремъ Сиринъ совѣтуетъ монаху, впавшему въ немощь (*ἀσθενεία περιπέσειν*), не писать непрерывно (*συνεχῶς*) къ родителямъ по плоти. Помощь, подаваемая людьми, онъ называетъ *мертвую помощь* и человеческимъ покровительствомъ (*νεκρὰ βοήθεια καὶ σκέπη ἀνθρωπίνῃ*). „Лучше, говоритъ онъ, будемъ долготерпѣть, ожидая милости отъ Бога, да управитъ Онъ насъ во всемъ; ибо бываетъ время, когда и плоть нуждается въ наученіи“ (*παίδεως*.—Κεφάλ. ἑκατόν. Ἐρώτησις, πῶς κτάται τις τὴν ταπεινοφροσύνην, с. 56, р. 208).

Возврѣнія на врачеваніе тѣла, какъ на излишнее поученіе о немъ, осуществлялись на практикѣ. Приведемъ примѣры. Ефремъ Сиринъ передаетъ рассказъ о нѣкоемъ братѣ, не могшемъ по причинѣ болѣзни работать и насконѣ въ келліи своей съ плачемъ умолявшемъ Господа даровать ему здравіе. Но потомъ онъ, укоровъ себя за то, что „со слезами проситъ исцѣленія тѣла у Господа, забывъ о душѣ, болѣющей ежечасно“, обратился къ Богу съ молитвою: „Господи Иисусе Христе! Исцѣли душу мою и тѣло, дабы не быть мнѣ въ тягость братіямъ, потому что, Господи, не собственною силою питается человѣкъ. Если, Владыка, Ты не доставишь необходимое и достаточное,—человѣкъ—ничто. Однако, Владыка, и здравіе даруй мнѣ—непотребному рабу Твоему потому, что Ты—Богъ кающихся и на мнѣ покажешь величіе Твое“. Этотъ братъ получилъ исцѣленіе и возблагодарилъ Бога. Но были подвижники, не только отказывавшіеся отъ врачебной помощи, но даже просившіе Бога о продленіи постигшей ихъ болѣзни. І. Мосхъ рассказываетъ, что старецъ Мирогень, жившій въ Пергійской Лаврѣ, заболѣлъ водянкой вслѣдствіе суроваго образа жизни (склирагогін). Старцамъ, приходившимъ къ нему для врачеванія (*πρὸς θεραπεύειν*), онъ говорилъ: „помолитесь за меня, отцы, чтобы не сталъ ὑδρωπικὸς (больнымъ водянкой) мой внутренній чело-

вѣкъ, ибо я молюсь Богу о томъ, чтобы мнѣ долго пребывать въ таковой болѣзни“. Онъ же сказалъ іерусал. епископу Евстохію (550—563), приславшему „нужное“ для облегченія его немощи: „помолись за меня, отецъ, чтобы избавиться мнѣ отъ вѣчнаго наказанія“ (Луг. Духовн. с. 8. М. 1. с. р. 2857). Ацахоретъ Варнава, подвизавшійся въ пустыняхъ Тордана, поддерживалъ болѣзнь ноги, не вынимая изъ нея (ноги) занозу, и всѣмъ, совѣтовавшимъ ему воспользоваться услугами врача, говорилъ: чѣмъ болѣе страдаетъ внѣшній человѣкъ, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ внутренній“ (Ibid. с. 10, р. 2860).

Представителемъ направленія, занимающаго средину между обозначенными двумя, выступаетъ бл. Діадохъ, принимающій положительную и отрицательную точки зрѣнія на телесное врачеваніе, примѣнительно къ различнымъ видамъ подвижничества (LIII-я гл.), расположенію иноковъ къ болѣзнямъ (LIV-я гл.) и значенію немощей въ подвижнической жизни (XCIV-я гл.). Вопросъ о томъ, позволительно-ли подвижникамъ пользоваться медицинскимъ искусствомъ во время болѣзней бл. Діадохъ рѣшаетъ *принципіально* въ положительномъ смыслѣ, выражая свое рѣшеніе въ слѣдующей категорической формѣ: „Призывать къ себѣ врачей во время болѣзней нѣтъ никакого препятствія“ (LIII-я гл.). Въ основѣ этого рѣшенія лежитъ указаніе на созданныя Богомъ лекарства, предуказывавшія на имѣвшее образованіе впоследствии медицинское искусство. Выраженная здѣсь мысль могла быть позаимствована бл. Діадохомъ у Василия Великаго, какъ показано выше. И касательно способа пользованія медицинскимъ искусствомъ авторъ выражается согласно съ Василиемъ Великимъ. „Однако, говоритъ бл. Діадохъ, не должно было бы имѣть на нихъ (врачей) надежду исцѣленія, но на истиннаго Спасителя нашего Іисуса Христа“ (LIII-я гл.). Первая половина этого періода можетъ быть найдена у Василия Великаго. У бл. Діадоха она читается такъ: *πλὴν οὐκ ἐχρῆν*

εἰς αὐτοὺς τὴν ἐλπίδα ἔχειν τῆς ἰάσεως. У Василия Великаго "Οροι κατὰ πλάτος. 55, с. 3, р. 1048 В: ἐν τοῖς χερσὶ τῶ ἱατρῶν τὴν ἐλπίδα ἔχειν τῆς ἑαυτῶν υγιείας.—Ibid с. 2. 1 1045 В; μὴ πάσαν ἔχειν τὴν ἐλπίδα πρὸς τὴν τῶν λυπαρῶ παραμυθίαν ἐν τέχνῃ ταύτῃ... Ibid. с. 5, р. 1052 В: οὗτ ἐπ' αὐτῇ πάσας τὰς ἐλπίδας ἀκόλουθον. Такимъ образомъ въ принципиальномъ рѣшеніи вопроса о *врачеваніи болѣзней бл. Діадохъ стоитъ на сторонѣ положительнаго на правленія*. Но, переходя къ разсмотрѣнію вопроса съ точки зрѣнія вѣры, имѣющей значеніе руководительнаго начала, бл. Діадохъ принимаетъ подъ свою защиту отрицательное на правленіе, исправляя, однакожъ, его примѣнительно къ раз личнымъ видамъ подвижнической жизни, его узкость и формы проявленія, несогласныя съ духомъ самой вѣры. Вѣра зани маетъ въ аскетѣ бл. Діадоха первое мѣсто въ числѣ десяти основныхъ положеній ся; надеждѣ и терпѣнію въ спискѣ этихъ положеній отведены слѣдующія два мѣста (см. выше стр. 19 и 20). По силѣ сихъ добродѣтелей подвижникъ дол женъ „предоставить себя Господу, врачующему (Мо. X, 1) всякую нашу болѣзнь и всякую немощь“ (ЛП-я гл.). Здѣсь бл. Діадохъ становится на точку зрѣнія Макарія Египет скаго, но уклоняется отъ него, когда замѣчаетъ, что озна ченныя начала должны быть разумно соображены съ родомъ жизни подвижниковъ, влывшихъ въ болѣзни. Монахи, живу щіе въ киновіяхъ среди многихъ, разномыслящихъ братій, или въ городахъ, должны, по бл. Діадоху, призывать къ себѣ врачей, такъ какъ они (монахи), по случайнымъ обстоятель ствамъ, не всегда могутъ находиться подъ воздѣйствіемъ вѣры и уберечься отъ тщеславнаго превозношенія своею вѣ рою и терпѣніемъ; авторъ видитъ проявленіе тщеславія въ тѣхъ случаяхъ, когда больные иноки, отказываясь отъ вра чебной помощи, завязываютъ при многихъ: мы не нуждаемся во врачахъ (ЛП-я г.). Онъ, очевидно, порицаетъ подвижни ковъ, выставлявшихъ напоказъ и свои болѣзни, и свою вѣру

и терпѣніе свое. Таковымъ былъ выше упомянутый Варнава, не могшій своей вѣры и заботы о душевномъ врачеваніи согласовать съ образомъ своей жизни. Его отреченіе отъ врачебной помощи не заслуживало порицанія, пока онъ анахоретствовалъ въ пустыняхъ Іордана. Но когда онъ, переселясь въ лавру Пергійскую и отказавшись и здѣсь отъ врачеванія, говорилъ многимъ, приходившимъ къ нему: „чѣмъ болѣе страдаетъ внѣшній челоѣкъ, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ внутренній“,—то онъ, съ точки зрѣнія бл. Діадоха, тщеславился своимъ терпѣніемъ. Но келліоты, подвигающіеся въ болѣе пустынныхъ мѣстахъ среди двухъ или трехъ единомышленныхъ братій, могутъ, по ученію епископа Фотики, предоставить себя Господу, въ какія бы болѣзни они ни впадали; ихъ совершенная вѣра не потерпитъ никакого ущерба: предъ единомышленными братіями не опасно показывать добродѣтель, а пустыня, какъ хорошая „завѣса“ (это выраженіе встрѣчается у преп. Нила Синайскаго. См. примѣч. на стр. 168), скроетъ больного подвижника отъ взоровъ постороннихъ людей и тѣмъ предохранитъ его отъ тщеславнаго превозношенія.

К. Поповъ.